

Ю.П. Крылова

**«НЕУДАЧНО СКАЗАННОЕ СЛОВО
ОПАСНЕЕ УДАЧНОГО УДАРА МЕЧОМ».**

Речь в придворной повседневности Бургундии XV века

Статья посвящена проблеме коммуникаций в придворной культуре Бургундии XV в. На основании анализа трактата бургундского придворного Жана де Ланнуа (1410-1493), который уделил в тексте особое внимание речи придворного и особенно его умению вести диалог, делается вывод о том, что уже в XV в., в ходе расширения дворов, начинают вырабатываться своеобразные придворные парадигмы общения и приходит понимание необходимости самоконтроля в ограниченном пространстве двора, переполненном людьми.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, Бургундское герцогство, придворная культура

Ты не покажешь себя глупцом, если промолчишь.
Средневековая пословица.

В XVII столетии – в эпоху расцвета придворной жизни с ее эпицентром в только что отстроенном и постоянно обновляющемся Версале – Жан де Лабрюйер в одной из глав «Характеров» запишет: «Человек, знающий двор, всегда владеет своими жестами, взглядом, лицом; он скрытен, непроницаем; он скрывает недоброжелательность, улыбается своим врагам, сдерживает свой нрав, прячет свои страсти, противоречит своему сердцу, говорит и поступает вопреки собственным чувствам»¹. Так он описывает привычный ему облик «среднестатистического» придворного его времени. Подобные образы, сжато представленные Лабрюйером в одной фразе, появляются повсеместно в литературе XVII в. и этим никого не удивить. Вместе с тем, задумаемся: как, когда и зачем знать научилась, пользуясь выражением Н. Элиаса, «сдерживать свои аффекты»²? Средневековая литература рисует нам, хотя и разнообразные, но весьма далекие от идеала

Крылова Юлия Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке FMSH (Париж).

¹ *La Bruyère J. de. Les caractères.* P., 1993. P. 181.

² *Элиас Н. О процессе цивилизации.* Т. 1. М., 2001. С. 38.

XVII в. образы. И если классик немецкой социологии сделал попытку – впрочем, с точки зрения современной гуманитарной науки, недостаточно обоснованную – объяснить, зачем в благородных кругах пришли к пониманию необходимости контролировать свои чувства, то вопрос – когда и как это произошло – все еще остается не вполне ясным.

В рамках одной статьи невозможно охватить столь обширную тему. Нет смысла пытаться даже пунктирно наметить основные вехи изучаемого процесса. Для этого, как и Н. Элиасу, нам бы не хватило нескольких томов монографических исследований. Наша задача намного скромнее. Мы ограничимся лишь небольшим сюжетом из истории придворной жизни XV в., где, как нам кажется, просматриваются истоки того процесса, о котором писал немецкий ученый.

Бургундский двор – а именно о нем у нас пойдет речь – считался в XV в. самым изысканным: прочие европейские дворы уступали ему в роскоши и изобретательности. По выражению современного исследователя, «двор – первое, что приходит в голову, когда задумываешься о Бургундском государстве»¹. Ни одному другому средневековому двору не посвящено историками, искусствоведами, филологами такого количества исследований. Просуществовав немногим более ста лет, он, однако, не канул в небытие вместе с последними представителями герцогской династии. Его устройство и порядки были отчасти позаимствованы другими европейскими дворами Нового времени, хотя о сути и масштабах такой преемственности ведутся дискуссии². Разнообразие и насыщенность жизни бургундского двора, о которой свидетельствуют многочисленные дошедшие до нас источники, могут поразить даже нашего современника. Литературные сочинения разных жанров, хроники, описания банкетов, турниров, свадеб и похорон, и даже сохранившиеся административные документы (счета, ордонансы, письма, отчеты иностранных посольств), дают яркое представление о былом, по-королевски грандиозном великолепии, царившем при бургундском дворе, призванном «впечатлить присутствующих, устрашить соперников, поддержать сторонников»³. Уже Кристина Пизанская в начале XV в. восхваляла двор первого герцога Бургундии Филиппа Храброго⁴. При Филиппе Добром,

¹ *Rapp F.* Universités et principautés: les Etats bourguignons // *A la cour de Bourgogne. Le duc, son entourage, son train.* Turnhout, 1998. P. 51.

² *Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy: a Model for Europe? // *Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age.* Oxford, 1991. P. 69.

³ *Schnerb B.L.* Etat bourguignon 1363-1477. P., 1999. P. 319.

⁴ *Christine de Pisan.* Œuvres poétiques. P., 1886. Т. 1. P. 251-252. Цит. по: *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 2002. С. 53. Прим. 16.

правившем почти полвека, герцогство достигло апогея своего развития. Иностраный гость, попавший в числе многих других ко двору герцога, писал, что «ни один христианский король не держал столь блестящего двора»¹. Однако целью театрализации придворной жизни было не желание развеять скуку, и не бахвальство, а демонстрация на визуальном языке того времени богатства и мощи принца. Феерическая пышность банкетов и торжественных въездов использовалась как инструмент политической пропаганды².

Между тем, за этой внешней эффектной стороной двора, в промежутках между праздниками, текла привычная повседневная жизнь, о которой, под влиянием имеющихся в нашем распоряжении источников, можно даже сказать, что она не «текла», а «бурлила». О насыщенной событиями повседневности, ставшей предметом размышлений одного бургундского придворного, и пойдет речь в данной работе.

На закате жизни Филиппа Доброго, в 1465 г., при бургундском дворе разгорелся скандал. Его инициатором был наследник герцогства Карл граф де Шароле (в будущем – Карл Смелый), чье недовольство советниками отца, помноженное на неуравновешенный характер, привело, в конце концов, к тяжелым последствиям. Конфликт назревал уже давно, с 1456 г., когда дофин Людовик, сбежавший от гнева отца, Карла VII, прибыл в Бургундию и обосновался по приглашению герцога Филиппа в замке Женапп, неподалеку от Брюсселя. Антуан де Круи³, первый камергер герцога, видел в приезде дофина повод к сближению с Францией⁴. Откровенно профранцузская позиция де Круи, игравшего в то время главную роль при дворе и пользовавшегося в течение многих лет неизменным доверием герцога, вызвала недовольство графа де Шароле. Полученные впоследствии Антуаном де Круи от ставшего королем Людовика XI высокие должности при французском дворе лишь усугубили

¹ Цит. по: *Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy. P. 77.

² *Schnerb B.* L'Etat bourguignon. P. 319.

³ В отечественной литературе принято чтение его имени как «Круа». Однако это неверно, поскольку семейное имя Стоу происходит от названия пикардийской деревни Crouy-Saint-Pierre. То, что имя «Стоу» произносилось в XV в. как «Круи», свидетельствует стихотворная баллада-памфлет против сеньора Антуана де Круи (ок. 1465 г.), где его имя встречается два раза в конце строки и рифмуется со словами на [и], а не на [ya]. См.: *Deux ballades sur le seigneur de Croye.* № 9, 10 // *Leroux de Lincy A.* Les chants historiques et populaires du temps de Charles VII et de Louis XI. P., 1857. P. 67, 69. В мировой историографии встречаются разные варианты написания: Croy, Croÿ и Crouy.

⁴ *Oeuvres de Georges Chastellain.* Bruxelles, 1864. Т. 3. P. 195. Честь, оказываемую придворными высокому гостю, Карл де Шароле мог счесть унижительной для себя. [*Reiffenberg F.de*]. Des mémoires de Jacques Du Clercq et du fruit qu'on en peut tirer // *Mémoires de J. Du Clercq.* Т. 1. Bruxelles, 1823. P. 58.

недоверие Карла к первому камергеру и его родственникам, занимавшим многие важные должности при бургундском дворе, в частности, к брату Антуана - Жану де Круи, графу де Шимей, и к племяннику Жану де Ланнуа¹. То влияние, которое приобрел при дворе первый камергер, не устраивало жаждущего самостоятельности наследника герцогства. Поводом к одному из крупных скандалов между Филиппом Добрым и его сыном стал вопрос о выборе первого камергера для Карла. Очередной племянник де Круи совершенно не устраивал наследника, заявившего об этом отцу, что вызвало гнев герцога². Затаив обиду, граф де Шароле на протяжении нескольких лет безуспешно пытался противостоять клану де Круи и искал поводов уличить их в измене.

Перипетии набирающего силу конфликта нашли отражение на страницах книг придворных хронистов – Жоржа Шатлена, Жака Дю Клерка и др. Но и не только у них. Противостояние двух придворных группировок – стоявшей за де Круи и поддерживавшей графа де Шароле – стало одним из поводов для написания Жаном де Ланнуа (1410-1493), племянником Антуана де Круи, поучения своему новорожденному сыну³. Советник Филиппа Доброго и дипломат, де Ланнуа был человеком уже далеко не молодым и обладал большим жизненным опытом. Он, очевидно, хорошо понимал, какие трудности придется преодолеть несведущему юноше, прежде чем тот сумеет влиться в придворное общество, к которому принадлежал по праву рождения. Это поучение вписывается в ряд «антикуриальных»⁴ произведений того времени, нередко сочинявшихся бывшими придворными, впавшими в немилость. Трактат одного из них – Алэна Шартье – Ланнуа целиком вставляет в текст своего наставления сыну. Главной темой в подобных трактатах становятся не привычные для средневековых моралистов размышления о коллизии земного и небесного, но описание тягот придворной жизни и сложности коммуникации в обществе. Именно проблема взаимодействия с другими людьми в относительно ограниченном пространстве двора и его последствия является основной у Жана де Ланнуа. Разумеется, затрагивает он и

¹ *Thiry Cl. Les Croy face aux indiciars bourguignons: George Chastelain, Jean Molinet // Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufurnet. T. 3. P., 1993. P. 1364.*

² *Oeuvres de Georges Chastelain. P. 230-233.*

³ *Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy à Loÿs son fils // Lannoy B. de, Dansaert G. Jean de Lannoy le Bâtisseur. 1410-1493. P., Bruxelles, 1937.*

⁴ Этот емкий, но пока мало распространенный термин в значении «критически настроенный по отношению к двору и придворной жизни» активно использует в своих работах Жан Лемэр, в частности, в монографии: *Lemaire J. Les visions de la vie de cour dans la littérature française de la fin du Moyen âge. Brux., 1994.* Его употребляют и другие филологи-медиевисты, например, Р. Дюбюи.

другие вопросы – о Боге, грехах, чтении, браке и т.д., но тема общения с другими людьми проходит через весь трактат. Более того, важность многих сюжетов, казалось бы не связанных с темой межличностных коммуникаций (например, образование, богатство и т.п.), он, так или иначе, сводит к основной заботящей его проблеме.

Жан де Ланнуа начал писать поучение сыну в октябре 1464 г., когда получил известие о его рождении. Возможно, он уже задумывался о трактате в ожидании рождения наследника, а происходящие в то время события лишь способствовали активному исполнению его замысла. Своей кульминации конфликт при бургундском дворе достиг весной 1465 г. Воспользовавшись болезнью Филиппа Доброго, Карл де Шароле лишил должностей представителей клана де Круи и наложил секвестр на их имущество¹. Ланнуа бежал с семьей во Францию, к королю Людовику XI, который высоко оценивал его дипломатические способности. В течение всего этого времени Ланнуа продолжал писать наставление. Он не рассказывал прямо о том, что происходило в этот сложный для него период, и лишь по некоторым оговоркам и эмоциональной окраске текста можно почувствовать отголоски происшедшего². У него явно не было четкого плана, возможно, он отдавался сочинительству эпизодически, когда находил время в сложных для него обстоятельствах. Его мысль переходит от одного сюжета к другому, но неизменно возвращается к проблеме общения и речи. Именно в умении правильно взаимодействовать с другими людьми автор видит залог успешной карьеры при дворе. Впрочем, правильно пользоваться речью – говорить только по делу и избегать порочащих высказываний – нужно еще научиться. Однако результат того стоил, поскольку человек в своей жизни должен не только делать успешную карьеру, но и заботиться, по мнению моралистов, о своей бессмертной душе: «кто умеет сдерживать свой язык – близок к Богу»³. Окружавшие же Ланнуа люди демонстрировали многочисленные приме-

¹ De Win P. Antoine de Croÿ, seigneur de Crouy, comte de Porcien // Les chevaliers de l'Ordre de la Toison d'Or au XV siècle. Frankfurt, 2000. P. 35-36.

² См. подробнее: Крылова Ю.П. «Противоречивый» Жан де Ланнуа: взгляд со стороны и саморепрезентация // Ретроспективная информация источников: образы и реальность. М., 2013. С. 127-129.

³ Coppie des lettres. P. 133. Это традиционное для позднего Средневековья понимание «рессата lingua» как направленных против Бога и человека. Слово – дар Божий, и недостойное его использование является грехом. Кроме того, большинство словесных грехов были направлены против ближнего, а потому вписывались богословами в девятую (в католичестве – восьмую) заповедь: «Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна». Casagrande C., Vecchio S. «Tu ne porteras point de faux témoignage contre ton prochain»: le décalogue et les péchés de langue // La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières. P., 1995. P. 94-96 passim.

ры неразумного использования языка, что вписывалось в средневековую многоступенчатую иерархию грехов.

Проблема «греховного языка» имела давнюю традицию в Средние века. О неблагочестивых речах упоминается еще в Библии – как в Ветхом, так и в Новом Завете. Хотя тот или иной конкретный *peccatum linguae* отсутствует в древнейших перечислениях человеческих проступков, составленных известными христианскими мыслителями, тем не менее, словесные грехи незримо стоят за каждым из смертных грехов, проистекая от одного из них. Грехи эволюционируют во времени, одни уходят постепенно в небытие, другие – всегда актуальны. Стойкая и широко распространенная тяга людей к злословию, клевете, лжи, ропоту недовольства и т.п. вынуждала к контролю за языком и к формированию этики речи. Средневековые отцы церкви неустанно писали об этом, а к XIII веку – веку апогея устной традиции и вместе с тем начала активного распространения рукописной книги и чтения – вопрос приобрел особую важность¹. К началу XIV в. обеспокоенные богословы насчитывали уже 22 «греха языка»².

Проблема, родившись в стенах монастыря – единственного в то время места проживания тесного сообщества – вышла, в конце концов, за его пределы и стала центральной с развитием дворов. Умение уходить от конфликтов, избегая словесных грехов (потому-то они и грехи, что нарушают размеренное и благообразное течение жизни, способствуя пагубным страстям), ради спокойствия монастырской общины стало к концу Средних веков весьма важным и для придворной среды. Теперь способность выражаться сообразно ситуации, а также своим жизненным целям, становится главным инструментом карьерного роста и повышения собственного социального статуса при дворе властителя. Неумение пользоваться этим новым «орудием» приводит к печальным последствиям. Накопившиеся за века словесные грехи прежде не оказывавшие такого влияния на жизнь и будущие перспективы, теперь стали определяющими в замкнутом пространстве двора. Оскорбление или грубость, хвастовство или насмешка, глупый или непристойный разговор – такой, нарушающий принятый порядок, грех мог быть прощен на исповеди, но не забыт в придворном обществе. Придворные моралисты теперь акцентировали внимание не только на заботе о Царствии Небесном, но и о выживании на этом свете: «Смерть и жизнь – во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его» (Прит. 18:21).

¹ Casagrande C., *Vecchio S.* Les péchés de la langue. Discipline et éthique de la parole dans la culture médiévale (1991). P., 2007. P. 22; *Le Goff J.* Préface // *Ibid.* P. 13.

² Casagrande C., *Vecchio S.* «Tu ne porteras point de faux témoignage...». P. 89.

Суть своего представления Жан де Ланнуа емко сформулировал в одном из высказываний: «Неудачно сказанное слово опаснее удачного удара мечом. Поскольку рану, нанесенную мечом, может успешно вылечить врач, а от удара языка нет никакого лекарства»¹. Неслучайно именно с необходимости научиться *bien parler* (наряду с *bien aller*) и начинается его сочинение. Одинаково важно как не навредить самому себе поспешно сказанными словами, так и вести себя благоразумно, следя за каждым своим шагом, чтобы другой не смог причинить вред, обсуждая твоё поведение и сплетничая за спиной. Именно новые условия пребывания при дворе – в относительно узком кругу очень разных людей, преследующих свои цели – вынуждают моралистов XV в. активно развивать давно уже не новую тему².

Объединенный одним властителем, любой двор не являлся коллективом единомышленников, но делился на разного рода коалиции, к которым люди присоединялись в зависимости от своих возможностей и жизненных устремлений. Бургундский двор XV в. – одно из ярких тому подтверждений. Согласно своим родственным, вассальным, должностным обязательствам придворные входили в ближний круг герцога или его наследника, одного камергера или другого, сотрудничали или конфликтовали с враждебной группировкой. Хроники и другие источники богаты сюжетами, связанными с коммуникацией в бургундском обществе: о чем разговаривали в компании после ужина, сплетничали «в кулуарах», кто с кем поссорился и по какому поводу наследник герцогства топал ногами. В частности, множество захватывающих сюжетов придворного общения оставил для историков в своей «Хронике» Жорж Шатлен.

Собственно сама проблема адекватности речи могла возникнуть лишь при наличии собеседников. Большинство словесных грехов – лесть, ложь, злословие, клевета, брань, оскорбление, насмешка – были рассчитаны на слушателей, иначе терялся смысл их существования³. Двор представлялся благодатным местом для процветания такого способа общения. В кругу людей, знакомых между собой и знающих все друг о друге, желающих оказаться как можно ближе к властителю, получив от этого максимум выгоды, и помешать сделать то же самое другим, следовало хитроумно

¹ Coppie des lettres. P. 133.

² Тема «грехов языка» становится излюбленной с XII в., и особенно в XIII в. Casagrande C., Vecchio S. «Tu ne porteras point de faux témoignage...» P. 90.

³ За исключением, возможно, богохульства. Но неблагочестивый разговор наедине с Богом нечасто фиксируется в источниках. Напротив, средневековые авторы указывают на публичные пространства, где часто совершался этот грех: ярмарки, таверны, лепрозории. См.: Casagrande C., Vecchio S. Les péchés de la langue. P. 179.

выбирать в зависимости от ситуации манеру выражаться, чтобы угодить правителю и очернить соперника.

Знакомясь с поучением Жана де Ланнуа современный читатель может задаться вопросом: почему автор столько внимания уделяет культуре речи? Почему ему так важно мнение окружающих? Действительно, недостойное использование языка считалось грехом и его, как моралиста, мог приводить в негодование нравственный облик современников, но это был чужой грех: обронил ли человек не вовремя фразу или пошутил с приятелем по поводу костюма кого-нибудь из свиты иностранного посла. Его же явно волновало отношение окружающих к нему самому, то есть та атмосфера, в которой ему приходилось находиться. В этом ограниченном, но не закрытом, мире двора именно поведение приобретало особое значение. Попав (нередко – с трудом) в иерархичную придворную среду, где раздавались милости, должности, подарки, имеющие денежный эквивалент, там необходимо было удержаться и выжить. Удачливым долгожителем в ней можно было остаться лишь с незапятнанной репутацией. Жан де Ланнуа настоятельно советует сыну взять на себя труд с юности позаботиться о ней. Реноме придворного аристократа второй половины XV в. формировалось уже не на поле боя, о чем увлекательно рассказывали средневековые романы. Особую ценность приобретал комментируемый поступок – свой или чужой. Все речевые действия в трактате Ланнуа можно условно поделить на собственные речевые акты и чужие реплики, сплетни, насмешки, лесть и т.п. И если контролировать свою речь, в конце концов, можно научиться, то чужой язык сложно удержать, можно лишь пытаться не давать повода к порочающим суждениям других. С высоты своего возраста автор разъясняет сыну, как разумно вести диалог. Его рекомендации не абстрактны, за ними стоит большой жизненный опыт. К примеру, он советует остерегаться «всяческих гневных речей и тех, которые могут привести к досаде, неудовольствию, позору, стыду и бесчестию другого», а также «не открывать рта по просьбе людей назойливых (*importunes*), завистников, льстецов и лжецов, особенно тех, что находятся при дворах принцев»¹.

Что касается высказываний окружающих, то автор может лишь констатировать недостойное поведение других, но повлиять на него он не в силах. Однако он не бичует прямо пороки своих современников, как делали моралисты в предшествующие эпохи. Давая советы, он тонко выделяет различные нюансы одной и той же проблемы – умения пользоваться речью. В этих советах нашел отражение личный опыт ав-

¹ Coppie des lettres. P. 141 и 126 соотв.

тора, поскольку, не имея перед глазами примеров, противоположных его представлению об идеале, невозможно давать подобные сугубо конкретные рекомендации¹. Этим особенно интересен данный текст. Дидактические трактаты, нередко справедливо обвиняются в теоретизировании, далеком от действительности. Нужны особые методы, чтобы извлечь из них полезную информацию. Ланнуа же представляет нам реальную картину «греховной» придворной повседневности (о чем красноречиво свидетельствует вышеприведенная цитата), делая акцент на коммуникационных особенностях общества. Его советы отличаются от поучений не состоящей при дворах знати. Следствием своеобразной обстановки, в которой существовали люди при позднесредневековых дворах, стало постепенное принятие и распространение особых образцов поведения, как достойного, так и порицаемого. Было бы опрометчиво говорить, что появлялись новые грехи, но некоторыми формами самовыражения стали пользоваться намного активнее. В частности, приобрел всеобщее распространение грех лести, став к концу XIV в. поводом для беспокойства авторов большинства религиозных, политических и литературных сочинений². Он не вытеснил распространенное задолго до того злословие, но стал еще одним действенным инструментом придворных в достижении благ, которыми их мог снабдить правитель. Злословие же, которое продолжало активно использоваться, становилось при дворе скрытым средством борьбы с конкурентами³. Даже правители не гнушались прибегать в политической борьбе к сплетням и передаваемым из уст в уста слухам⁴.

Что же делать с чужой речью, если невозможно запретить другому высказываться? В этой связи неудивительно то значение, которое Жан де Ланнуа придает в своем наставлении понятиям «друг» и «недруг». То, что можно сказать другу, нельзя говорить при недоброжелателе. Автор советует сыну везде (*en tous lieux, entre toutes gens*) следить за тем, что он говорит, кому, когда, по какому поводу, поскольку некото-

¹ О методе исследования от противного в поучительных трактатах см.: Крылова Ю.П. «Нынче всякий упражняется в злословии». Французские поучительные трактаты XV в. и историческая реконструкция // От текста к реальности. (Не)возможности исторических реконструкций. М., 2012. С. 146-147.

² *Vincent-Cassy M. Flatter, louer ou comment communiquer à Paris à la fin du Moyen Age // La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières. P., 1995. P. 117.*

³ См.: Крылова Ю.П. «Нынче всякий упражняется в злословии». С. 159.

⁴ *Lecuppre G., Lecuppre-Desjardin E. La rumeur: un instrument de la compétition politique au service des princes de la fin du Moyen Âge // La Rumeur au Moyen Âge. Du mépris à la manipulation. V^e-XVe siècle. Rennes, 2011. P. 155 и далее. См. также: Guenée B. L'opinion publique à la fin du Moyen âge d'après la «Chronique de Charles VI» du religieux de Saint-Denis. P., 2002.*

рые люди только кажутся друзьями, а на самом деле – скрытые враги¹. В представлении Ланнуа, «нет лучшего (*plus doux*) инструмента, чем мягкая (*douce*) речь, ибо она стяжает и питает друзей и смиряет врагов»². Подобные размышления касались не только инициатора речи, но и его собеседника/слушателя, и даже жертвы, на которую был направлен удар³. Ланнуа преследует цель научить сына достойно отвечать недругу, имея в виду ответ, угодный Богу, непохожий на колкие реплики его собеседника⁴. В этой связи он напоминает ему слова Августина, что «лучше, промолчав, пережить неправоту, чем ответив, победить»⁵, поскольку в придворной среде подобная победа весьма относительна и может обернуться в недалеком будущем сокрушительным поражением.

В трактате Жана де Ланнуа мы не встретим описания близкого дружеского общения среди придворных. Как становились друзьями? Были ли это только люди одного родственного клана? Как в жестких условиях конкурентного существования решались довериться другому? Об этом мы ничего не узнаем из его текста. Автор упоминает лишь, что с друзьями можно говорить более доверительно. Возможно, людям, с которыми сталкивался Ланнуа в жизни, не были чужды дружеские чувства, однако он заканчивает начатую фразу, выдвигая контраргумент сказанному выше: «хотя часто можно видеть, как друг меняется и становится врагом»⁶. Он ссылается на собственный печальный опыт, приобретенный «в этом году», апеллируя, по-видимому, к событиям конфликта его семьи с графом де Шароле. Ни в данном случае, ни где-либо еще в тексте он не объясняет, о чем идет речь, действуя в рамках провозглашаемого им же самим в трактате речевого этоса: не злословить, не высмеивать, не попицать, избегать ссор («безумие ссориться с вышестоящим») и т.п.⁷. Его молчание сообщает тексту дополнительные коннотации – поучение ста-

¹ *Copie des lettres*. P. 130. Подобный набор вопросов применяли средневековые схоласты XIII в., разбирая проблему речи. Из светских моралистов тогда же ее применил в ставшем популярным поучении сыну итальянский моралист Альбертано Брешианский (*Casagrande C., Vecchio S. Les péchés de la langue*. P. 18).

² *Copie des lettres*. P. 128.

³ Согласно средневековым христианским мыслителям, для словесных грехов, особенно злословия и разного рода хулы, нужны трое: говорящий, слушающий и отсутствующий персонаж, о котором ведется беседа. *Casagrande C., Vecchio S. Les péchés de la langue*. P. 239.

⁴ «Говори так, как будто Бог тебя слышит». *Copie des lettres*. P. 129. Ланнуа приводит 16 (!) наименований для злоречивых людей. *Ibid.* P. 133-134.

⁵ *Ibid.* P. 129.

⁶ *Ibid.* P. 129.

⁷ *Ibid.* P. 125 и далее, 129, 128 и 141 соотв.

новится своего рода дневником, где автор ведет разговор с самим собой¹. Однако, допуская возможность широкой огласки своего текста, он не стал слишком откровенничать. Между тем он настаивает на важности и необходимости дружбы, потому что тот, «кто имеет друзей, того хвалят; кого хвалят, того почитают; кто почитаем, тому служат, того ценят (*recommandé*) и молятся за него, поэтому он живет в мире, радости и уважении на этом свете и стяжает доброе имя после смерти в надежде заслужить (*avoir*) подлинную бесконечную славу»². Далее слова истинного христианина преобразуются в речь опытного придворного: «от добрых друзей принимают уважение, услуги и расположение, [им] можно доверять; чем более высокого положения человек, тем более он нуждается в друзьях, он может с легкостью упасть и его падение весьма опасно. Для этого и хороши друзья: ради тревог и несчастий, которым внезапно подвергает фортуна... У кого нет друзей, тот одинок в своих делах, но когда он с друзьями, его поддержат и помогут»³. Ланнуа показывает нам, что выжить и добиться положения при дворе в одиночку невозможно, а потому важно собрать вокруг себя сторонников или вписаться в уже имеющийся круг единомышленников.

Вместе с тем не может не возникнуть вопрос, какую роль играли женщины в придворных коммуникациях XV в.? К сожалению, от Жана де Ланнуа мы тоже ничего об этом не узнаем. Любопытной особенностью его трактата является то, что он практически не говорит о женщинах, точнее, об общении с противоположным полом. Он кратко касается необходимости уважать мать, останавливается на выборе жены, многословно порицает блуд (пожалуй, это наиболее эмоциональная часть его труда). Однако в последнем он винит в основном *grans signeurs*, то есть самых высокопоставленных, даже по сравнению с ним, сеньоров. В этой связи можно было бы ожидать от автора трактата, уделяющего столь большое внимание межличностным коммуникациям при дворе, размышлений об особенностях флирта или какого-то, пусть даже, с его точки зрения, порочного, общения, отголоски которого должны были дойти до людей XV в. от эпохи *fin amour*. Возможно, автор считал, что грех не имеет пола, и его наставления относились ко всем? Средневековым мо-

¹ Интересную параллель можно провести с автобиографией одной из героинь книги Н. Земон-Дэвис – Гликль бас Иуда Лейб. «Стремясь разобраться в радостях, надеждах и разочарованиях своей жизни, она обращалась не столько к детям, сколько к самой себе». – *Земон-Дэвис Н.* Дамы на обочине. Три женских портрета XVII в. М., 1999. С. 14. Я благодарю А.Б. Герштейн за напоминание об этой книге.

² *Coppie des lettres*. P. 149.

³ *Ibid.* P. 150.

ралистам было свойственно, посвящая труд конкретному человеку, обращаться к самому широкому кругу потенциальных читателей. Однако представляется, что речь идет о другом. Перед нами – сугубо мужской текст, написанный для мужской аудитории и преследующий совершенно конкретные цели. Именно поэтому Ланнуа советует читать серьезные книги античных авторов, поэтому у него совсем немного *exempla*, да и собственно весь текст посвящен тому, как достойными способами преуспеть при дворе герцога, что для женщин представляется еще не вполне актуальным во второй половине XV в., когда двор еще оставался местом мужского самоутверждения. Интересно, что за сто лет до этого моралисты уже писали о том же, что беспокоило и Жана де Ланнуа, но тогда их волновали именно женщины: их поведение в обществе, сохранение достойной репутации, защита от сплетен и разговоров. Для мужчин эти вопросы представлялись вторичными. С расцветом же придворной жизни – но до массового появления женщин при дворах¹ – вопросы мужской репутации, которую мог испортить разговор третьих лиц, приобрели первостепенное значение.

Таким образом, мы возвращаемся к вопросу, поставленному выше – о важности для Жана де Ланнуа правильной культуры речи. Именно с нее начинается репутация: «человек узнается по разговору», по нему «судят о нравах и положении», от этого суждения зависит его доброе имя². Реноме человека создается на основании совершенных поступков, поведения в прошлом и оказывает определяющее влияние на его будущее³. Однако, как нетрудно себе представить, человеческие общности представляют собой великое разнообразие характеров – чему и посвятил Лабрюйер свой труд, послуживший отправной точкой наших размышлений, – характеров, немногие из которых можно было бы назвать образцами добродетели. И если человек в юности не получил представ-

¹ Этот процесс начнется в самом конце XV в. Честь пригласить дам на постоянное жительство к французскому двору Брантом приписывает Анне Бретонской, которая создала Дом королевы. До нее женщины лишь временно пребывали при дворе. *Solmon J.-F. La Cour de France. P., 1987. P. 21-22.*

² *Copie des lettres. P. 141.*

³ В своем поучении Жан де Ланнуа настолько полно выразил свойственное позднесредневековым моралистам понимание репутации, что оно фактически соответствует нашему современному (!) его пониманию. См.: Словарь по этике. / Под ред. И. Кона. М., 1981: «**Репутация** – сложившееся у окружающих мнение о нравственном облике человека, основанное на его предшествующем поведении и выражающееся... в том, чего от него ожидают в дальнейшем... С одной стороны, в ней воплощено общественное признание достоинства прошлой деятельности человека, а с другой стороны, она оказывает влияние на роль и место этого человека в дальнейшей совместной деятельности коллектива». <http://terme.ru/dictionary/522/word/reputacija> (дата обращения: 17.06.2013).

ление о нравственном идеале или не хотел тратить усилия на то, чтобы ему соответствовать, но жаждал преуспеть на придворном поприще, ему следовало научиться мимикрировать согласно ожиданиям общества. Все тот же Лабрюйер нарисовал эскиз такого придворного XVII в. – своего современника, скрывающего чувства и сдерживающего эмоции. В XV в. подобной «нормы» еще не существовало, но, как мы видим, при дворе уже бытовало понимание необходимости подстраиваться под окружающую среду в зависимости от ситуации. У Жана де Ланнуа мы находим подобные пассажи, являющиеся результатом его опыта и, видимо, глубоких размышлений. Многие его поучительные рекомендации посвящены умению сдерживать проявления своих чувств. «Остерегайся много говорить, многословные (*grant paroleur*) не нравятся, и они ненавидимы всеми людьми»¹, – поучает он сына. «Когда ты выражаешь свое мнение, – пишет он далее, – сохраняй во всем благоразумие, честь всякого в твоей власти (*à ton pooir*), не высказывайся ни в упрек, ни в оправдание кого-либо под влиянием эмоций (*par affection désordonnée*)»². Ланнуа постоянно пишет об осмотрительности и умении сдерживать желание высказаться по тому или иному вопросу. Он ни в коей мере не советует лгать или обманывать, напротив, он убеждает читателя не поступать так, однако за его осторожностью можно усмотреть фальшь, столь привычную для людей последующих эпох. Он упоминает о «благоприятных моментах», когда стоит говорить, и о том, что некоторые вещи более благосклонно воспринимаются наедине, чем если их высказать прилюдно³.

Вместе с тем было бы опрометчиво считать образ поведения, который представляет нам Жан де Ланнуа, скрытностью в корыстных целях (если не считать корыстью желание преуспеть при дворе). Безусловно, тогда уже существовали льстецы, стремившиеся быть в фаворе у правителя. Позднесредневековые источники изобилуют описаниями особенностей их поведения. Однако текст бургундского моралиста Жана де Ланнуа свидетельствует, на мой взгляд, о другом. Некогда состоявшие из ограниченного круга приближенных властителя, дворы по мере увеличения количества придворных и их должностей⁴ стали представлять собой весьма многолюдные сообще-

¹ Coppie des lettres. P. 130.

² Ibid. P. 190.

³ Ibid P. 130 и 191 соотв.

⁴ Интереснейшие подробности того, что представляли собой бургундский и французский дворы в 1501 г., сохранились в описании свидетельницы путешествия во Францию Филиппа эрцгерцога Австрийского с супругой и его встречи с Людовиком XII в Блуа. Она использует выражения «*grand nombre de gens*», «*presse sy grande*». См.: *Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010.*

ства, условием существования которых должны была стать выработка некой парадигмы общения, без чего институт двора просто не смог бы существовать и рухнул под тяжестью неразрешимых конфликтов. Н. Элиас прослеживает непрерывность развития этого процесса с XIII в., отмечая важность границы XV-XVI вв.¹ Отголоски постепенного и трудного формирования подобных правил поведения – того, что сначала назовут церемониалом, а позже, уже в наше время, – этикетом, мы и наблюдаем в поучении Жана де Ланнуа сыну. Думаю, в данном случае не приходится говорить об особенностях его индивидуального мировоззрения или о том, к примеру, что высказать подобные суждения его побудила обида, вызванная происходившими в период написания трактата событиями. Полагаю, он не сообщил ничего нового для современников и лишь зафиксировал как моралист идеалы своей эпохи и распространенные отступления от них. Безусловно, конфликт с графом де Шароле и последующая опала сыграли немаловажную роль в появлении трактата, в противном случае, при благоприятных жизненных обстоятельствах, Ланнуа мог и не найти время для сочинительства. Однако, размышляя о превратностях судьбы², автор ненароком обозначил признаки зарождающегося при бургундском дворе XV в. свода правил в коммуникативной сфере. В его трактате мы наблюдаем такие приметы времени уже в более-менее привычном для современника виде. Это, разумеется, еще не этикет XVII-XVIII вв., но набор правил, который уже имеет некую историю. А значит, его истоки находятся глубже во времени. И чтобы понять особенности правил поведения не только двора «Великого века», но и сообществ нашей современности, будь то аппарат президента или конкурирующие мини-группы небольшого офиса, необходимо отправиться в увлекательное путешествие по прошлому со всеми остановками, на которых фиксируются стадии развития коммуникативного этикета³.

¹ «От двора Капетингов... к двору Франциска I, а затем двору Людовика XIV и его наследников ведет непрерывная линия развития. Во Франции, несмотря на все порою довольно глубокие трансформации социальной структуры, придворная традиция смогла непрерывно сохраняться и оставаться живой с XIII до самого XVIII века. Это было одной из важнейших предпосылок для утонченности и проработанности французской придворной этики... Решающий рубеж в этой эволюции пролегает в XV и XVI веках». *Элиас Н.* Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 196.

² Этой теме он посвятил и несколько поэтических сочинений. См.: *Poésies attribuées à Jean de Lannoy // Lannoy B. de, Dansaert G.* Jean de Lannoy le Bâtisseur. P. 211-214. Любопытно, что стихов на иные темы или не было вовсе, или они не сохранились.

³ Когда работа была завершена, у меня появилась возможность ознакомиться со статьей, где высказывается мысль о репутации как ключевом понятии концепции Жана де Ланнуа: *Sterchi B.* The Importance of Reputation in the Theory and Practice of Burgundian Chivalry. Jean de Lannoy, the Croys, and the Order of the Golden Fleece // *The Ideology of Burgundy. The Promotion of National Consciousness 1364-1565.* Leiden, 2006. P. 99-103.

Список литературы

- La Bruyère J. de.* Les caractères. P., 1993
- Элиас Н.* О процессе цивилизации. Т. 1. М., 2001. [*Jelias N.* O processe civilizacii. Т. 1. М., 2001].
- Rapp F.* Universités et principautés: les Etats bourguignons // A la cour de Bourgogne. Le duc, son entourage, son train. Turnhout, 1998.
- Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy: a Model for Europe ? // Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age. Oxford, 1991.
- Schnerb B.L.* Etat bourguignon 1363-1477. P., 1999.
- Christine de Pisan.* Œuvres poétiques. P., 1886. Т. 1.
- Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 2002. [*Hejzinga J.* Osen' srednevekov'ja. М., 2002].
- Deux ballades sur le seigneur de Croye. № 9, 10 // *Leroux de Lincy A.* Les chantes historiques et populaires du temps de Charles VII et de Louis XI. P., 1857.
- Oeuvres de Georges Chastellain. Bruxelles, 1864. Т. 3.
- Reiffenberg F.de.* Des mémoires de Jacques Du Clercq et du fruit qu'on en peut tirer // Mémoires de J. Du Clercq. Т. 1. Bruxelles, 1823.
- Thiry Cl.* Les Croy face aux indiciaries bourguignons: George Chastelain, Jean Molinet // Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufurnet. Т. 3. P., 1993.
- Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy à Loÿs son fils // *Lannoy B. de, Dansaert G.* Jean de Lannoy le Batisseur. 1410-1493. P., Bruxelles, 1937.
- Lemaire J.* Les visions de la vie de cour dans la littérature française de la fin du Moyen âge. Brux., 1994.
- De Win P.* Antoine de Croÿ, seigneur de Crouy, comte de Porcien // Les chevaliers de l'Ordre de la Toison d'Or au XV siecle. Frankfour, 2000.
- Крылова Ю.П.* «Противоречивый» Жан де Ланнуа: взгляд со стороны и саморепрезентация // Ретроспективная информация источников: образы и реальность. М., 2013. [*Krylova Ju.P.* «Protivorechivuj» Zhan de Lannua: vzgljad so storony i samoreprezentacija // Retrospektivnaja informacija istochnikov: obrazy i real'nost'. М., 2013].
- Casagrande C., Vecchio S.* Les péchés de la langue. Discipline et éthique de la parole dans la culture médiévale. P., 2007.
- Le Goff J.* Préface // Les péchés de la langue. Discipline et éthique de la parole dans la culture médiévale. P., 2007.

Casagrande C., Vecchio S. « Tu ne porteras point de faux témoignage contre ton prochain »: le décalogue et les péchés de langue // *La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières.* P., 1995.

Крылова Ю.П. «Нынче всякий упражняется в злословии». Французские поучительные трактаты XV в. и историческая реконструкция // *От текста к реальности. (Не)возможности исторических реконструкций.* М., 2012. [*Krylova Ju.P.* «Nynche vsjakij uprazhjaetsja v zloslovii». Francuzskie pouचितel'nye traktaty XV v. i istoricheskaja rekonstrukcija // *Ot teksta k real'nosti. (Ne)vozmozhnosti istoricheskikh rekonstrukcij.* М., 2012].

Vincent-Cassy M. Flatter, louer ou comment communiquer à Paris à la fin du Moyen Age // *La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières.* P., 1995.

Lecuppre G., Lecuppre-Desjardin E. La rumeur: un instrument de la compétition politique au service des princes de la fin du Moyen Âge // *La Rumeur au Moyen Âge. Du mépris à la manipulation. V^e-XVe siècle.* Rennes, 2011.

Guenée B. L'opinion publique à la fin du Moyen age d'après la «Chronique de Charles VI» du religieux de Saint-Denis. P., 2002.

Земон-Дэвис Н. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII в. М., 1999. [*Zemon-Djevis N.* Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII v. М., 1999].

Solnon J.-F. La Cour de France. P., 1987.

Словарь по этике. М., 1981. [*Slovar' po jetike.* М., 1981].

Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010.

Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. [*Jelias N.* Pridvornoe obshhestvo. Issledovanija po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii. М., 2002].

Poésies attribuées à Jean de Lannoy // *Lannoy B. de, Dansaert G.* Jean de Lannoy le Batisseur. 1410-1493. P.-Bruxelles, 1937.

Sterchi B. The Importance of Reputation in the Theory and Practice of Burgundian Chivalry. Jean de Lannoy, the Croys, and the Order of the Golden Fleece // *The Ideology of Burgundy. The Promotion of National Consciousness 1364-1565.* Leiden, 2006.